

# КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

## ОБЗОРЫ

### НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИЗУЧЕНИИ СПОНТАННОЙ РЕЧИ (О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ РЕЧЕВЫХ КОЛЕБАНИЯХ)

В непосредственной речевой деятельности говорящие нередко перебивают себя (*Иду я еще/ нет это было дня два назад/ по улице...*), повторяют одно и то же слово (*А он говорит/говорит что не придет*), вставляют в речь паразитарные звуки (*Было это ж в прошлом году*), просто прерывают свою речь непонятной синтаксически и длительной паузой и т. д. Факты эти широко известны. Обычно эти явления относят к внешним речевым дефектам и как объект лингвистики не рассматривают<sup>1</sup>. Однако именно эти речевые колебания (*hesitations*) стали в последнее время основой целого направления, весьма интересного и перспективного, возникшего на рубеже лингвистики, психологии, медицины и теории вероятностных процессов.

Первым ученым, подошедшим серьезно к таким речевым помехам, был американский лингвист Ф. Лоунсбери, который специально рассмотрел речевые колебания, в особенности возникающие при этом паузы<sup>2</sup>.

Возникновение в речи таких «пауз колебания» Ф. Лоунсбери связывает с общей проблемой выбора речевых единиц и планирования предложения в целом, а также с проблемой вероятностного перехода от одной речевой единицы к другой. Речевые паузы тем короче, как считает

Ф. Лоунсбери, чем выше вероятность появления следующей речевой единицы и чем сильнее речевые навыки говорящего. И наоборот — паузы в речи более длительны, если навыки речеговорения слабее, а вероятность распознавания следующей речевой единицы меньше. «Итак, то, что мы называем феноменами колебания (*hesitation phenomena*), отражает, как очевидно, речевые переходы с низкой вероятностью. Переходы эти осуществляются на уровне семантики и не соответствуют, по крайней мере однозначно, обычным границам языковых последовательностей»<sup>3</sup>. В связи с анализом феноменов колебания Ф. Лоунсбери высказывает пять гипотез, относящихся к речевому функционированию таких феноменов и их распределению в потоке речи. Задача дальнейшего исследования — проверить предлагаемые им гипотезы.

Первая гипотеза состоит в том, что точки появления пауз колебания соответствуют точкам наивысшей неопределенности в последовательности единиц данного порядка. Тестовое измерение таких пауз с одновременным измерением наивысшей неопределенности появления речевых единиц в данной речевой цепи должно, по мнению Ф. Лоунсбери, проверить эту гипотезу.

Вторая гипотеза, строящаяся на первой, предполагает соответствие пауз колебания (и точек неопределенности) началу единиц внутреннего кодирования.

Третья гипотеза относится к области связей пауз колебания и синтаксических стыков, соединяющих крупные речевые цепочки. По мнению Ф. Лоунсбери, паузы колебания не должны совпадать и не совпадают с синтаксическим членением, которое в свою очередь может быть отмечено и отмечается паузами, но это паузы совсем другого рода (*juncture pauses*).

Согласно четвертой гипотезе, именно эти, синтаксические, членения являются

<sup>1</sup> Некоторые явления такого типа (впрочем, весьма условно) известны в поэтике под названиями анаколута и апоспоземы. См.: А. Квятковский, Поэтический словарь, М., 1966, стр. 29 и 45. Попытка установить связь синтаксической структуры подобных явлений с содержательным планом высказывания сделана в статье К. Koževniková, *Některé vztahy obsahové a výrazové výstavby v nepřipraveném projevu*, «*Slavica pragensia*», X, 1968.

<sup>2</sup> F. G. L o u n s b u r y, *Pausal, juncture and hesitation phenomena*, сб. «*Psycholinguistics*», Baltimore, 1954, стр. 96—101.

<sup>3</sup> F. G. L o u n s b u r y, указ. соч., стр. 98.

границами единиц внутреннего декодирования. Иными словами, при спонтанной речи границы кодирования и декодирования не совпадают.

По пятой гипотезе, при повторном проговаривании одного и того же границы единиц кодирования совмещаются с границами единиц декодирования, т. е. спонтанность речевого поведения исчезает.

Идеи Ф. Лоунсбери нашли широкий отклик у английских и американских лингвистов. Феномены колебания изучаются теперь не только в звучащей, но и в письменной речи — рассматриваются описки, опечатки при печатании на машинке и т. п.<sup>4</sup> Специально изучаются колебания в детской речи<sup>5</sup>. Предложенные им гипотезы вызвали к жизни ряд крайне интересных экспериментальных исследований, на которых мы ниже и остановимся. По существу почва для развития всего экспериментального направления была подготовлена работами Ф. Голдман-Эйслера (одного из создателей английского журнала «Язык и речь»), много лет занимавшейся исследованием разных факторов, определяющих скорость человеческой речи<sup>6</sup>. Так, ею было установлено, что связь между длительностью пауз и скоростью произнесения последующих отрезков речи очень сложна, наблюдаются как параллельные, так и компенсаторные отношения. Поэтому ею была предложена гипотеза о несобственно артикуляторном, но эмоционально-интеллектуальном происхождении ряда пауз. Само введение в речь пауз колебаний Ф. Голдман-Эйслер связывает с двумя типами речевого планирования. А именно — по теории Х. Джексона<sup>7</sup> существует два принципиально различных вида речи: гладкая, хорошо организованная внутренне — низшая по функции, и речь сбивчивая, свидетельствующая о напряженной умственной деятельности — высшая по функции. Т. е. высшая речь имеет место тогда, когда слова символизируют отношения вещей, не упорядоченные говорящим заранее, но организуемые в процессе

речи<sup>8</sup>. При эмоциональном возбуждении, по его мнению, речь становится результатом автоматизированной вербализации, а не плодом свободного выбора. Таким образом, «сильная эмоция ведет к низшей речи, к более автоматичному, лучше организованному высказыванию»<sup>9</sup>. В соответствии с теорией Джексона различают два вида кода — ограниченный (restricted) и выработанный (elaborated). Употребление каждого из них свидетельствует о различном речевом планировании и о разном типе саморегуляции.

Ограниченный код — это код ритуалистический, употребляющийся в протоколах, при ритуальных службах, разговорах о погоде, о детях и т. д. Дополнительные ограничения, которые могут на него накладываться, внося некоторое разнообразие, идут от жеста, разного вида эмоциональных проявлений, интонации. Речевое планирование здесь минимально. Так разговаривают сослуживцы, многолетние супружеские пары и т. п. Выработанный код характеризует напряженную умственную деятельность в процессе речи. Последняя оговорка существенна, так как позволяет предположить читателю, что из сказанного не должно следовать, что речь гладкая есть всегда умственно низкий продукт; кроме того, необходимо учитывать наличие речевого навыка у лекторов, преподавателей и т. д. Объект речи у выработанного кода универсален, зато его модель (он связывается с феноменом колебания) более конкретна, у ограниченного кода — наоборот: объект речи (значение) ограничен, но модель универсальна<sup>10</sup>.

Итак, развивается идея о том, что именно паузы колебания характеризуют более напряженную умственную деятельность. Как этот тезис подтверждается экспериментально? Именно доказательству этой гипотезы был посвящен целый ряд интересных экспериментальных работ

<sup>8</sup> F. Goldman-Eisler, *Hesitation, information and levels of speech production*, сб. «Disorders of language», London, 1964, стр. 97.

<sup>9</sup> Цитируется по работе: F. Goldman-Eisler, *Hesitation, information and levels of speech production*, сб. «Disorders of language», L., 1964, стр. 103. Изменение речи при эмоциональности некоторыми исследователями сопоставляется также с интересностью/неинтересностью сообщаемого для говорящего. Так, Дж. Перс в дискуссии по работе Ф. Голдман-Эйслера отмечает резкое падение числа дефектов при сообщении, крайне интересном для говорящего (см. об этом: сб. «Information theory», London, 1961, стр. 174).

<sup>10</sup> Подробное описание обоих кодов см.: B. Bernstein, *Linguistic codes, hesitation phenomena and intelligence*, «Language and speech», 5, pt. 1, 1962.

<sup>4</sup> См., например: P. H. Tannenbaum, F. Williams, B. S. Wood, *Hesitation phenomena and related encoding characteristics in speech and typewriting*, «Language and speech», 9, pt. 3, 1966.

<sup>5</sup> H. Levin, I. Silverman, *Hesitation phenomena in children's speech*, «Language and speech», 8, pt. 2, 1965.

<sup>6</sup> F. Goldman-Eisler, *On the variability of the speed of talking to the length of utterances in conversation*, «British journal of psychology», 45, 1954; *е о ж е*, *The determinants of the rate of speech output and their mutual relations*, «Journal of psychosomatic research», 1, 1956.

<sup>7</sup> H. Jackson, *On affections of speech from diseases of the brain*, 2, London, 1932.

Ф. Голдман-Эйслер<sup>11</sup>. Так, в одной из них рассказывается о следующем эксперименте<sup>12</sup>. Испытуемым предлагались рассказы в картинках (cartoon stories) из журнала «Нью-Йоркер». Эти картинки (без подписей) нужно было: 1) пересказать в соответствии с сюжетом, 2) вывести некую абстрактную мораль к данному рассказу. После этого оба рассказа (пересказ сюжета и мораль) нужно было повторить не менее шести раз. Выводы, подтверждаемые графиками, оказались следующими: 1) в моральных-резюме число пауз колебания при первичном рассказе оказалось значительно большим, чем число пауз колебания при пересказе сюжета. При этом любопытно, что самое первое предложение — абсолютное начало пересказа — произносилось по числу пауз колебания на уровне морали-резюме; 2) при повторном пересказе различие в числе пауз в двух видах рассказа резко уменьшается, стремясь совпасть.

Таким образом, проведенный эксперимент, во-первых, показывает связь пауз колебания со спонтанностью речи; во-вторых, показывает принципиальную разницу разных типов сообщения: при рассказе, требующем большего умственного напряжения, число пауз колебания увеличивается.

В другом эксперименте<sup>13</sup> записывались диалоги между научными работниками, беседующими на научные темы, болтовня школьников. В соответствии с указанной гипотезой, число пауз колебания в первом случае было гораздо более значительным.

Наконец, Ф. Голдман-Эйслер сопоставляла паузы в чтении и в свободной речи<sup>14</sup>. Оказалось, что при чтении общее число пауз меньше и точки их распределения синтаксически предсказуемы. При свободном же речевом произношении общая величина пауз в соотношении с потоком звучащей речи больше, чем при чтении; структурное распределение пауз в тексте оказалось иным и менее предсказуемым.

Тезис Ф. Лоунсбери о связи феномена

колебания с вероятностью появления элементов речевой цепи проверялся П. Танненбаумом, Ф. Вильямсом и К. С. Хиллером, которыми был поставлен ряд экспериментов<sup>15</sup>. Предполагалось, что слово, появившееся после паузы колебания, менее предсказуемо, чем слова непрерывной речи; при этом феномены колебания должны осуществляться в точках перехода от высокой избыточности к низкой, когда говорящий останавливается, чтобы сделать речевое решение, выбрать единицу кодирования.

Первый эксперимент этих авторов был направлен на определение предсказуемости слов, появившихся после пауз колебания. Эти данные сопоставлялись с вероятностью появления слов в беглой речи после той же точки (подбирались предложения с совпадающей первой частью). Данные эксперимента подтвердили гипотезу о меньшей предсказуемости слов после колебания. Следующий эксперимент был средством проверки другого тезиса — о наибольшей предсказуемости слова, непосредственно предшествовавшего феномену колебания, выдвинутого Ф. Голдман-Эйслер в развитие идеи Ф. Лоунсбери. Данные этих авторов, направленные на последовательную проверку вероятностных данных всех слов речевой цепочки, не подтвердили тезиса Ф. Голдман-Эйслер о наибольшей вероятности слова, употребленного перед перерывом речи.

Ф. Голдман-Эйслер также производила специальный эксперимент по испытанию вероятности отдельных элементов речевой цепочки при феноменах колебания<sup>16</sup>. В частности, испытуемым предлагалось продолжить предложения (произнесенные ранее другими людьми, чтение которых было записано на магнитофонную пленку), прерванные искусственно в точках высокой вероятности перехода, с одной стороны, и в точках низкой переходной вероятности — в другой. Анализировалась величина пауз колебания в обоих случаях. В случае перерыва в точке низкой переходной вероятности паузы колебания резко увеличивались, не совпадая по величине с паузами исходного чтения. В точках перерыва, где вероятность перехода была большей, паузы колебания были меньшими и приближались по величине к паузам исходного произнесения. Правда, в некоторых случаях совпадали паузы исходного произнесения и паузы проверочного продолжения и в точках низкой переходной вероятности. Ф. Голдман-Эйслер объясняет такие слу-

<sup>11</sup> F. Goldman-Eisler, The distribution of pause duration in speech, «Language and speech», 4, pt. 4, 1961; е е же, Continuity of speech utterance, its determinants and its significance, «Language and speech», 4, pt. 4, 1961; е е же, Hesitation and information in speech, сб. «Information theory», L., 1961; е е же, Sequential temporal patterns and cognitive processes in speech, «Language and speech», 10, pt. 3, 1967.

<sup>12</sup> F. Goldman-Eisler, Hesitation and information in speech.

<sup>13</sup> F. Goldman-Eisler, Continuity of speech utterance, its determinants and its significance.

<sup>14</sup> F. Goldman-Eisler, Sequential temporal patterns and cognitive processes in speech.

<sup>15</sup> P. H. Tannenbaum, F. Williams, C. S. Hillier, Word predictability in the environments of hesitations, «Journal of verbal learning and verbal behavior», 4, 2, 1965.

<sup>16</sup> F. Goldman-Eisler, Hesitation and information in speech, сб. «Information theory», L., 1961.

чаи совпадением мышления двух людей — говорившего первоначально и продолжавшего предложение в прерванном месте<sup>17</sup>. При анализе эксперимента в целом ею различаются два явления выбора при колебаниях: 1) планирование грамматической структуры в связи с распределением содержания в рамках данной речевой цепочки. При этом, по ее мнению, имеет место необходимый компромисс между намерением говорящего сказать нечто, его потенциальной интенцией, и непосредственным давлением времени, которое само по себе структурировано в высказывании и заставляет выбрать ту или иную речевую конструкцию; 2) второе явление колебания — это выбор слов, лексики, заполняющей выбранную грамматическую конструкцию. Т. е., иными словами, оба эти явления соответствуют стратегии и тактике речевого планирования.

Таким образом, по Голдман-Эйслер, речевое планирование не есть простой вероятностный марковский процесс появления единиц речи, а явление более сложного порядка<sup>18</sup>. Однако, согласно другим точкам зрения, речевое планирование может быть все же приравнено к случайным, стохастическим процессам<sup>19</sup>.

Все сказанное выше относилось преимущественно к колебаниям, представленным паузами, т. е. прекращением речевой деятельности, перерывом в звучании. На самом деле феномен колебания многими понимается гораздо шире. Так, Дж. Блэнкеншип и Кр. Рай<sup>20</sup> выделяют семь типов речевых колебаний, описанных и выведенных ими на основании анализа шестичасовой по продолжительности речевой деятельности. Типы колебаний могут быть следующими: 1) нелексические вставные звуки: *I mean a man of / a/insight...*; 2) коррекции предложения: *The campers took/wondering what to do...*; 3) замены слов: *One might say that the tendency/trend toward...*; 4) повторы: *Presently another caller caller caller was announced*; 5) заикания: *...to join the stuff of ed/editors of the magazine*; 6) пропуски части слова: *In the s... oak desk*; 7) незавершенность предложения: *I mean one could use it in*

*just the simple old technical sense that our schools/any persons in the...*

Как видно из перечня, эта подробная классификация не включает в себя именно паузы колебания, о которых говорилось выше. Эти паузы входят в более раннюю классификацию колебаний, предложенную Х. Маклеем и Ч. Осгудом<sup>21</sup>. Названные авторы различают четыре типа колебаний: 1) повторения; 2) ложные начала (*false starts*); 3) паузы, заполненные звуками (типа *э, эм и т. д.*); 4) паузы, незаполненные звуками — т. е. именно те, которые рассматривались выше в связи с работами Ф. Голдман-Эйслер. Незаполненные паузы, по мнению авторов, имеют две ипостаси — 1) сверхдлгое по сравнению с синтаксическими паузами молчание, 2) нефонемное продление ряда конечных звуков. Очевидно, что классификация колебаний должна смыкаться с разными типами дефектов речи и речевых расстройств, предложенными ранее, хотя большинство расстройств речи не имеет никакого отношения к феномену колебания, ибо последний есть акт сложного речевого планирования при отсутствии каких бы ни было расстройств фонации. Х. Маклей и Ч. Осгуд ссылаются на работы Г. Маля по классификации речевых расстройств<sup>22</sup>.

Пестрота выделяемых классов колебаний уже заранее наводит на мысль об их очевидном различии по функции. Действительно, П. Танненбаум, Ф. Вильямс и К. Хильер предположили, что существуют два принципиально различных по функции типа психолингвистических феноменов, выражающихся в реальной речи посредством колебаний<sup>23</sup>. Одно из этих явлений связано с так называемым «нащупыванием» (*groping*) будущей структуры. Говорящий затрудняется переменить тему или структуру высказывания, не нарушая гладкости и правильности уже начатой конструкции. Тогда он перебивает себя, делает паузу и начинает заново. С этим явлением связано введение пауз колебания, как заполненных, так и незаполненных. Другое явление связано с самоисправлением. Оказывается, что говорящий уже произнес нечто, что он считает неверным, неудачным. Тогда он должен исправить себя. Такое психолингвистическое явление больше связано не с паузами, а с повторами и ложными

<sup>17</sup> Там же, стр. 164.

<sup>18</sup> A. Henderson, F. Goldman-Eisler, A. Skarbak, Sequential temporal patterns in spontaneous speech, «Language and speech», 9, pt. 4, 1966.

<sup>19</sup> Такую точку зрения см.: J. Schwartz, J. Jaffe, Markovian prediction of sequential temporal patterns in spontaneous speech, «Language and speech», 11, pt. 1, 1968.

<sup>20</sup> J. Blankenship, Chr. Ray, Hesitation phenomena in English speech, «Words», 20, 3, 1964.

<sup>21</sup> H. Macclay, Ch. S. Osgood, Hesitation phenomena in spontaneous English speech, «Words», 15, 1, 1959.

<sup>22</sup> Из последних работ Г. Маля см.: S. V. Kasl, G. H. Mahl. The relationship of disturbances and hesitations in spontaneous speech to anxiety, «Journal of personality and social psychology», 1, 1965.

<sup>23</sup> P. H. Tannenbaum, F. Williams, C. S. Hillier, Word predictability in the environments of hesitations.

началами. В первом случае наибольшая неопределенность бывает в точке перерыва, во втором — перед повторяемым словом.

Изучая дистрибуцию феноменов колебания, Х. Маклей и Ч. Осгуд обратили внимание на различие в дистрибуции заполненных и незаполненных пауз<sup>24</sup>. Незаполненные паузы, по их данным, встречаются чаще перед словами знаменательными, лексическими классами, по их терминологии. Заполненные паузы встречаются чаще перед функциональными, грамматическими классами слов. Специфику функционирования этих классов пауз Х. Маклей и Ч. Осгуд видят в разной степени сознательного устремления говорящего на разговор как таковой. Употребляя незаполненные паузы, говорящий не держит нить разговора в своих руках, дает возможность перебивать себя. Напротив, употребляя заполненные паузы, говорящий как бы не прерывает свою реплику, держит нить разговора в своих руках. Соглашаясь с этим, В. Ливант считает, что заполненные и незаполненные паузы по функции в речи антагонистичны<sup>25</sup>. Тип, качество разговора ухудшают заполненные паузы, создавая неприятное впечатление «беканья-меканья», их основная функция в речи — контроль за нитью разговора. Однако ни Ливант, ни Маклей и Осгуд не объясняют различия в дистрибуции обоих типов пауз с точки зрения речевого планирования и их языковой, а не разговорно-поведенческой специфики.

Более глубокий анализ функционального различия заполненных и незаполненных пауз был проведен Ф. Голдман-Эйслер<sup>26</sup>. Опираясь на данные Х. Маклея и Ч. Осгуда, она предположила, что описанная разница дистрибуции объясняется разницей в сущности самих объектов. С целью понять эту разницу ею был проанализирован уже описанный нами материал — пересказ картинок из «Нью-Йоркера», осуществленный в двух аспектах — рассказ о событиях и абстрактное резюмирование. Как уже отмечалось, число незаполненных пауз колебания в абстрактных резюме резко увеличилось. Анализ числового изменения заполненных пауз в двух видах рассказа не показал какого бы то ни было увеличения числа заполненных пауз при переходе к умственному более сложному отрезку речи.

Эти данные послужили основанием для утверждения Ф. Голдман-Эйслер о том, что заполненные паузы есть явления не умственного, ментального, но эмоционального порядка. Интересно, что при этом она отмечает разницу человеческих индивидуальностей при выборе пауз обоих типов. Так, например, те люди, которые употребляют большее число незаполненных пауз колебания, выбирают более точные и менее предсказуемые слова и конструкции. Эти же люди употребляют меньше заполненных пауз. Напротив, люди, в речи которых больше заполненных пауз, отличаются более стандартными, более предсказуемыми единицами речевого отрезка; общее время колебаний в их речи меньше.

На различие индивидуальностей указывается и в другой работе Ф. Голдман-Эйслер<sup>27</sup>. Так, различие сказывается в употреблении пауз колебания и пауз дыхания: те, кто чаще «переводит дыхание», использует в речи меньше пауз колебания, и наоборот.

Изучая общее распределение пауз колебания в речевых отрезках, содержащих не менее четырехсот слов, Ф. Голдман-Эйслер обратила внимание на тот факт, что периоды с относительно долгими паузами и короткими отрезками звучащей речи регулярно чередуются с другими периодами — где малым паузам соответствуют относительно длинные речевые цепочки<sup>28</sup>. Анализ таблиц и графиков, показывающих распределение больших и малых пауз в речи, привел ее к мысли о том, что единицей вербального планирования является некоторая сложная единица, складывающаяся из двух последовательно сменяющихся друг друга отрезков речи. Первый отрезок состоит из длительной паузы и короткой речевой части, второй отрезок — из краткой паузы и длительной речевой части. Планирование речи осуществляется в период первой, длительной паузы до произнесения первого речевого отрезка. При этом осуществляется планирование на два отрезка вперед. В соответствии с этой гипотезой второй, длительный отрезок, следующий за короткой паузой, должен быть лучше оформлен и организован как грамматически, так и в звуковом отношении. Действительно, по ее наблюдениям, более короткие паузы встречаются главным образом перед хорошо выраженными синтаксическими конструкциями — в основном перед началами придаточных предложе-

<sup>24</sup> H. Mac l a y, Ch. S. O s g o o d, *Hesitation phenomena in spontaneous English speech*.

<sup>25</sup> W. P. L i v a n t, *Antagonistic functions of verbal pauses, filled and unfilled pauses in the solution of addition*, «Language and speech», 6, pt. 1, 1963.

<sup>26</sup> F. G o l d m a n - E i s l e r, *A comparative study of two hesitation phenomena*, «Language and speech», 4, pt. 1, 1961.

<sup>27</sup> F. G o l d m a n - E i s l e r, *Hesitation, information and levels of speech production*, сб. «Disorders of language», L, 1964, стр. 104.

<sup>28</sup> F. G o l d m a n - E i s l e r, *Sequential temporal patterns and cognitive processes in speech*.

ний<sup>29</sup>. Первое же колебание — колебание обдумывания — не отражает непосредственной связи с синтаксической структурой отрезка. Это последнее наблюдение Ф. Голдман-Эйслер относительно синтаксической оформленности места вторичных, коротких пауз открывает некоторые возможности для сближения синтаксических пауз, появляющихся на синтаксических стыках, и пауз колебания. На этом остановимся подробнее.

В начале настоящего обзора указывалось, что Ф. Лоунсбери подчеркивал принципиальное несовпадение пауз колебания и точек появления синтаксических швов-стыков (третья гипотеза Ф. Лоунсбери). Об этой специфике пауз колебания писалось много раз<sup>30</sup>. Ряд специальных экспериментов посвящен различению этих двух видов пауз. Так, исследование Д. Бумера и А. Диттмана было посвящено порогам восприятия обоих видов пауз (синтаксических и пауз колебания)<sup>31</sup>. Из радиобеседы было выбрано четыре предложения. Каждое из этих предложений имело две паузы — синтаксическую и паузу колебания внутри текста. Из каждого предложения было сделано шесть экспериментальных фраз. А именно синтаксическая пауза была представлена тремя разными длительностями: 100, 200 и 500 мсек. Такие же длительности представляли паузу колебания. Затем воспроизводились в произвольном порядке эти предложения, и слушатели должны были определить, было прочитано то же предложение или длительность паузы изменилась. При этом выяснилось, что порог восприятия пауз колебания ниже — приблизительно 200 мсек, порог же восприятия синтаксических пауз — от 500 мсек и выше. Иные данные были получены другими авторами. Так, Е. Хэннах и Л. Энглер также проводили эксперимент по различению синтаксических пауз и пауз колебания<sup>32</sup>. Эксперимент производился следующим обра-

зом. Шестнадцать студентов слушали двухминутный разговор детей и рассматривали в нем паузы. Затем опытный лингвист сопоставлял их запись с реальными паузами, имевшими место в разговоре, и определял, что именно ими фиксировалось лучше — синтаксические стыки, представленные паузами, или паузы колебания. Согласно этим данным, синтаксические (терминальные) стыки распознавались лучше — примерно в 80% случаев, а паузы колебания хуже — примерно в 48% случаев.

Наиболее оригинальная и интересная точка зрения на соотношение этих двух видов пауз была высказана Х. Бэриком<sup>33</sup>. Известны данные Д. С. Бумера о том, что в спонтанной речи паузы колебания чаще всего встречаются после начала фонетически-синтаксической единицы — самостоятельного предложения в составе сложного предложения (clause). (Насколько можно судить, речь идет о длительных паузах по классификации Ф. Голдман-Эйслер.) Х. Бэрик заинтересовался сущностью тех пауз, которые находятся перед такими синтаксическими единицами, т. е. теми паузами, которые издавна считаются паузами стыка, грамматическими паузами. Согласно данным того же Бумера, около половины всех просодических морфем стыка или вообще не сопровождалось реальными паузами<sup>34</sup>, или, если и сопровождалось, то очень краткими паузами, тогда как другая половина была представлена очень длительными паузами. По соотношению заполненных и незаполненных пауз, по данным Бумера, численные величины были следующими — только 8% незаполненных пауз появилось перед началом синтаксической структуры. Что касается заполненных пауз, то на синтаксическом пике было отмечено 25% всех пауз такого типа. Сопоставив эти данные с ранними данными Ф. Голдман-Эйслер о том, что общая величина пауз при чтении (всех пауз, в том числе и синтаксических!) значительно меньше, чем общая величина всех пауз при свободном речевом разговоре<sup>35</sup>, Х. Бэрик предложил смелую гипотезу о том, что синтаксические паузы, паузы стыка, могут включать в себя в скрытом виде и паузы колебания. Определить этот факт он предлагает, оценивая абсолютную длительность синтаксических пауз: за более длительными скрываются две склеенных паузы; синтаксическая

<sup>29</sup> Для телефонных разговоров отмечается особая картина — пауза колебания (обычно заполненная пауза) помещается в конце синтаксической конструкции — с целью проверить действительность канала связи и вызвать реплику адресата (A. Dittman, L. G. Lewellyn, The phonemic clause as a unit of speech decoding, «Journal of personality and social psychology», 6, 1967).

<sup>30</sup> D. B. Fry, Coding and decoding in speech, сб. «Signs, symbols and signals», Springfield, 1963.

<sup>31</sup> D. S. Boomer, A. T. Dittman, Hesitation pauses and juncture pauses in speech, «Language and speech», 5, pt. 3, 1962.

<sup>32</sup> E. P. Hannah, L. Engler, Juncture phenomena and the segmentation of linguistic corpus, «Language and speech», 10, pt. 4, 1967.

<sup>33</sup> H. C. Barik, On defining juncture pauses: a note on Boomer's «Hesitation and grammatical encodings», «Language and speech», 11, pt. 3, 1968.

<sup>34</sup> D. S. Boomer, Hesitation and grammatical encoding, «Language and speech», 8, pt. 3, 1965.

<sup>35</sup> F. Goldman-Eisler, The distribution of pause duration in speech, «Language and speech», 4, pt. 4, 1961.

пауза, таким образом, расщепляется на две.

Гипотеза эта представляется} очень интересной. Более того, она, хотя Х. Бэрик об этом не упоминает, помогает объяснить оставшуюся неясной дистрибуцию заполненных и незаполненных пауз у Х. Маклея и Ч. Огсуда. По Маклею и Огсуду, различие в дистрибуции двух видов пауз состоит в том, что заполненные паузы чаще встречаются перед началом синтаксических конструкций. В свете данных (или гипотезы) Х. Бэрика это различие оказывается мнимым — заполненные паузы просто более очевидны, более несомненны, тогда как незаполненные паузы «скрываются» за синтаксическими, с которыми они сливаются. Таким образом, различие заполненных и незаполненных пауз остается, но по-иному сформулированное — сфера употребления незаполненных пауз шире.

По поводу гипотезы Х. Бэрика можно высказать только некоторые сомнения семантического свойства. Так, известно, что величина паузы в речи часто определяется типом смысловых отношений между соединяемыми единицами-синтагмами. В русской лингвистике об этом писали очень часто. Возможно, что именно эти отношения, смысловая функция паузы, а не только одна оппозиция — колебания/синтаксический стык — могут определять общую протяженность синтаксической паузы.

Из всего сказанного в настоящем обзоре очевидно, как велико место пауз в потоке речи при свободном говорении. Так, Ф. Голдман-Эйслер определила оптимальное время пауз в спонтанной речи — 30% всего звучания<sup>36</sup>. Равномерное чередование длительных и кратких пауз, т. е. равномерное распределение указанной выше сложной единицы речевого планирования создает ритм речи, которая может в этом отношении отличаться от письменной речи (хотя эта последняя также ритмична — по своим особым законам<sup>37</sup>).

<sup>36</sup> F. Goldman-Eisler, Sequential temporal patterns and cognitive processes in speech.

<sup>37</sup> См., например: Г. Н. Иванова, Ритмика русской прозы. Автореф. канд. диссерт., М., 1969.

В целом темп речи в 9 случаях из 10 зависит именно от пауз<sup>38</sup>, так как пауза есть наиболее подвижная, наименее подверженная внутренним законам артикуляции часть речевого отрезка.

Таковы изложенные кратко основные проблемы, относящиеся к данному кругу вопросов. В основном они, как видно по библиографическим указаниям, поднимались на страницах журнала «Язык и речь». Судя по стремительно увеличивающемуся числу статей, интерес к этой проблематике растет. Это и не удивительно. Новизна проблемы, довольно строгая и ясная концепция объекта исследования, простота эксперимента, который может быть и чисто слуховым, — несомненно оказались привлекательными для анализа. На русской почве такие эксперименты еще не проводились<sup>39</sup>. Однако представляется, что для русского языка как флективного (все описанные исследования осуществлялись на английском материале) изучение дистрибуции речевых колебаний могло бы дать интересные результаты для изучения сохранения и нарушения внешне выраженных грамматических связей при наличии колебания и без него. Лингвистически интересным было бы также определение тех заполнений, которыми в разных языках создаются заполненные паузы колебания, — универсальны ли эти вставки по звукам, или национальны, а может быть, и индивидуальные? Существенна также проверка (на материале языка типа русского) гипотезы о более высокой синтаксической организованности второго звучащего отрезка сложной единицы речевого планирования.

Т. М. Николаева

<sup>38</sup> F. Goldman-Eisler, Hesitation, information and levels of speech production, сб. «Disorders of language», L, 1964, стр. 99.

<sup>39</sup> Ряд явлений этой сферы упоминается Е. М. Верещагиным в связи с общей проблемой порождения речи. Е. М. Верещагин называет колебания хезитациями, а паузы колебания — зияниями (Е. М. Верещагин, Порождение речи: латентный процесс, М., 1968, стр. 29—30).